

Ю.Л. Кроль
СПб. филиал ИВ РАН

Жизнь, взгляды и стихи Ян Юня, внука Сыма Цяня

1. Ян Юнь, сын дочери Сыма Цяня и канцлера (*чэн сянь*) Ян Чана (ум. в 74 г. до н.э.), был незаурядным человеком, и судьба его сложилась необычно. Он был одарен талантами, в том числе литературным, прекрасно образован, положил начало широкому распространению интереса к «Ши цзи» в обществе [2, гл. 66, с. 4427; гл. 62, с. 4271] и делал успешную карьеру при дворе, пока ее не прервал донос. Мыслящий человек независимого нрава, Юнь критиковал императора Сюань-ди, его чиновников и правление. Разжалованный за это в простоллюдины, он зажил как частное лицо, предпочитая службе сельскую жизнь с ее радостями. Он был телохранителем, генералом, министром, земледельцем, купцом и умер на плахе.

2. Мне известны две его биографии: традиционная, созданная Бань Гу [2, гл. 66, с. 4427–4435], и современная, написанная М. Лёве с использованием первой биографии и других материалов «Хань шу» [7, с. 640–641]. Они не приводят дат рождения и начала карьеры Ян Юня. А.Ф.П. Хюльзеве писал, что она началась между 70 и 66 г. до н.э., никак не аргументируя этого [6, с. 213, 212]. Во всяком случае, Юнь поступил на службу уже после смерти Ян Чана, так как за него при этом поручился старший брат, а не отец. При Ранней Хань ведущие чиновники редко соблюдали 3-летний (на деле 25-месячный) траур по родителям [6, с. 227], но, судя по письму Юня (см. п. 16 ниже), он чтит этот обычай и, возможно, соблюдал его, а если так, то пошел служить не раньше 71 г. до н.э. Он стал чином охраны дворца (*лан*), вероятно высшей категории (*чжун лан*, см. [2, гл. 17, с. 1003]), и занял вакансию верхового, постоянно сопровождающего императора (*чан ши цзи*, см. [2, гл. 66, с. 4427]). В ту пору он уже читал «Записи господина великого астролога» (= «Ши цзи»), прекрасно знал «Чунь цю», любил общаться с выдающимися конфуцианцами, был «смолоду» известен при дворе [2, гл. 66, с. 4427, 4431]. Если допустить, что он поступил на службу в 71 г. молодым человеком 20–28 лет, то, видимо, родился он в 90-х годах 1 в. до н.э.

© Кроль Ю.Л., 2007

Незадолго до августа–сентября 66 г. до н.э. он был повышен в чине, получив в дополнение к посту *чжун лана* сверхштатную должность начальника ведомства «левой стороны» (*цзо цао*, см. [2, гл. 17, с. 1003; гл. 66, с. 4427]). Все его посты были в министерстве «обладателя блестящих заслуг» (*гуан лу сюнь*), ранее звавшегося «начальником чинов охраны дворца» (*лан чжун лин*). Там Юнь и сделал карьеру.

3. Толчком для нее послужили события августа–сентября 66 г. до н.э. Юнь узнал о заговоре членов клана Хо (Хо Юя и других, см. [7, с. 176–178]) с целью поднять мятеж против Сюань-ди и довел это до сведения генерала чинов охраны дворца (*чжун лан цзян*) Цзинь Ань-шаня [7, с. 195], подчиненного *гуан лу сюня*, и, возможно, своего непосредственного начальника, а затем в присутствии монарха сообщил об известных ему обстоятельствах. Мятежники были казнены, а в сентябре–октябре пять человек, раскрывших заговор, получили титулы *хоу*. Пинтун-хоу Ян Юнь был переведен на должность *чжун лан цзяна*, которую занимал пять лет [2, гл. 17, с. 1002–1004; гл. 66, с. 4427; гл. 68, с. 4491].

4. На этой должности он проявил себя как реформатор – изменил положение подчиненных ему *ланов*, кое в чем уравнив возможности богатых и бедных. Прежде *лан* при выходе из дворца платил из личных средств за связанные с этим официальные документы. Способного заплатить называли «чин охраны, [богатый (досл.: порождающий богатства и средства для расходов), как] гора» (*шань лан*). Раз в пять дней *лан* приходил из дворца домой на выходной отдохнуть, вымыться и «помыть волосы». Но, заболев, он должен был возмещать каждый день отпуска по болезни одним выходным. В результате иные бедные *ланы* больше года не могли «вымыть голову», а богачи ежедневно выходили из дворца развлечься. Кое-кто из богатых получал за деньги хороший подведомственный отдел, процветало взяточничество.

Юнь упразднил «чинов охраны, [богатых, как] гора», передал великому министру земледелия (*да сы нун*) долгосрочный (на год) план расходов своего ведомства, а тот профинансировал его из казенных средств (вместо личных средств *ланов*). Он стал давать отпуска по болезни, для отдыха, посещения родителей и выходные, чтобы «вымыть волосы», лишь в соответствии с законами и указами. Юнь немедленно докладывал, что надо снять с должности *лана* или императорского посланного (*е чжэ*) из ведомства *гуан лу сюня*, совершившего преступление, но в то же время рекомендовал повысить в чине тех, кого отличали высокие достижения, отменное поведение и способности; кое-кто из них даже стал губернатором или одним из девяти министров. В результате *ланы* духовно преобразились, с взяточничеством и просьбами об аудиенциях в корыстных целях было покончено, приказы выполнялись, запреты действовали, во дворце воцарилось единодушие [2, гл. 66, с. 4427–4428].

5. В связи с этим в 61 г. до н.э. Юнь был переведен на пост *гуан лу сюня* и дополнительно получил сверхштатную должность инспектора чиновников (*чжу ли*). За 10, максимум 13 лет он прошел в своем ведомстве путь от *лана* до министра, достиг пика своей карьеры, «сблизился с [императором]

и вершил дела [правления]» [2, гл. 66, с. 4428]. В письме другу (см. ниже, п. 16) он смиренно осуждает свою деятельность министра: признает, что в конце концов не справился со своими обязанностями, не сумел представить предложения, содействующие распространению преобразующего влияния силы *дэ* монарха, держаться тех же взглядов, что и чиновники, объединить с ними усилия, чтобы помочь двору избежать упущений, винил себя, что «украл [свой] пост» (ср. Лунь юй, гл. 15, § 13) и «даром ел [свой хлеб]» [2, гл. 66, с. 4431, 4432].

В относящихся к 57–56 гг. до н.э. сведениях сообщается о трех его поездках к сановнику – императорскому секретарю (*юй ши да фу*) Сяо Ван-чжи [7, с. 606–608]. В 57 г. до н.э. Юнь вместе с другими выяснял, одобряет ли тот план напасть на сюнну в пору распада их государства; ответ был отрицательным [2, гл. 78, 4820–4821; гл. 94А, с. 5352–5353]. Позднее Сяо Ван-чжи предложил план мирного подчинения сюнну, прообраз которого угадывается в его ответе 57 г. до н.э. Юнь, видимо посланный к Сяо Ван-чжи как эксперт по сюнну, вряд ли был согласен с его ответом. Прочитав запись речи посла сюнну, говорившего, что шаньюй прибудет (выразить покорность), Юнь заявил, что «шаньюй не приедет» [2, гл. 66, с. 4429]. Значит, он усомнился в правоте мнения Сяо Ван-чжи, что монарх сумеет привлечь сюнну своей обильной силой *дэ*.

Вторая встреча состоялась, когда Юнь с двумя вельможами допрашивал Сяо Ван-чжи, допытываясь, не пытался ли тот очернить канцлера и управление страной. В третий раз он посетил Сяо Ван-чжи на 3-й год службы того на посту *юй ши да фу* (с июля–августа 57 г. по июль–август 56 г. до н.э.) как посланник монарха, чтобы объявить приказ о переводе его на более низкий пост великого наставника наследника престола (*тай цзы тай фу*). В августе–сентябре 56 г. пост *юй ши да фу* занимал уже не Сяо Ван-чжи [2, гл. 78, с. 4822–4823; гл. 19Б, с. 1259–1260].

б. Из этого следует, что Юнь в 57–56 гг. до н.э. участвовал в устранении Сяо Ван-чжи с поста главного цензора, действуя в интересах Сюаньди, канцлера и др. Возможно, он и сам был лично в этом заинтересован и пытался свести счеты с Сяо Ван-чжи. У Юня был друг, Хань Янь-шоу [7, с. 150], остро конфликтовавший с Сяо Ван-чжи, обвиняя последнего в финансовых злоупотреблениях, на что тот отвечал такими же обвинениями; когда Хань Янь-шоу попал в тюрьму, Юнь выступил в его защиту, попытавшись снять с него обвинение [2, гл. 76, с. 4752–4755; 6, с. 180; ср.: 7, с. 150], но тщетно: в 56 г. до н.э. тот был казнен. Встает вопрос: принадлежал ли Юнь к какой-нибудь придворной клике? Позднее, когда из-за его казни пострадали его друзья, министры (*гун цин*) представили доклад трону, что «друзья Юня [из его] группы (*дан ю*) не подходят для того, чтобы занимать посты; [они] такие же, [как и он, поэтому] всех [их следует] уволить [с должностей и сделать простолюдинами]» [2, гл. 76, с. 4763]. Была ли эта группа кликой? По словам министров, она состояла из людей сходной с Юнем ментальности; о том же косвенно свидетельствует критика им новых стремлений, усвоенных его другом (см. ниже, п. 16). Судя по стараниям Юня устранить с поста Сяо Ван-чжи и спасти Хань Янь-шоу,

участие в группе предполагало совместную борьбу с общим противником и взаимопомощь в трудную годину. Видимо, группе присущ был дух критики. За это еще в 60 г. до н.э. поплатился жизнью (был вынужден покончить с собой) друг Юня, высокопоставленный сановник из службы внутренней безопасности Гэ Куань-жао. В «Хань шу» сказано: «Крупные сановники Ян Юнь, Гэ Куань-жао и другие были казнены за то, что совершили преступления, [состоявшие в] высказываниях, [полных] язвительной критики» [2, гл. 9, с. 287].

7. Бань Гу оценивает Юня неоднозначно: с одной стороны, отмечает его «презрение к богатству и любовь к долгу», бескорыстие и справедливость, с другой – его хвастливость, жестокость, недоброжелательность и злопамятность. Он пишет: «Когда Юнь жил во дворце, то был бескорыстен, чист и не имел личных пристрастий, [а] чины охраны дворца хвалили его беспристрастие и справедливость. Однако Юнь хвастал своим [достойным] поведением и способностями [к управлению], к тому же был жесток от природы и любил разоблачать тайные [неблаговидные дела] других. Если [среди лиц] того же ранга, [что и он], находился кто-то, кто шел против него, [у Юня] непременно появлялось желание причинить ему вред, [а] своими способностями [сделать это] он превосходил других. Поэтому [он] “вызывал много недовольства” (ср. Лунь юй, гл. 4, § 12. – Ю.К.) при дворе. [Он] и [министр транспорта –] великий возница (*май ну*) Дай Чан-лэ [7, с. 56] – разошлись друг с другом, и в конце концов из-за этого [Юнь] погиб» [2, гл. 66, с. 4428].

8. Юнь и Дай Чан-лэ вместе ездили к Сяо Ван-чжи в 57 г.; видимо, еще в первой половине 56 г. до н.э. у них были доверительные отношения: Юнь не таясь высказывался при Дай Чан-лэ о Сюань-ди. Но позднее на Дай Чан-лэ был подан донос; тот заподозрил, что его инспирировал Юнь, и сам написал донос на Юня. Там он привел шесть его высказываний о Сюань-ди, его чиновниках и правлении, взятых, за одним исключением, из частных бесед. Половину высказываний он прокомментировал. Вот они:

(1) Когда княжеская колесница на полном ходу въехала в ворота дворца, Дай Чан-лэ слышал, как Юнь сказал, что при Чжао-ди колесница на полной скорости врезалась в дворцовые ворота, их запор сломался, лошади погибли, а император умер, и добавил: «Теперь так случилось снова. К этому [привела] судьба, [предопределенная] Небом, а не усилия людей». За этот намек на предстоящую смерть Сюань-ди, Юнь, по его же словам, мог быть наказан истреблением своего клана [2, гл. 66, с. 4430–4431].

(2) На вопрос, спасет ли Хань Янь-шоу его заступничество (см. выше, п. 6), он отвечал: «Разве это такое легкое дело? Честный человек не обязательно [должен] уцелеть, я не могу защитить себя. Как раз об этом люди говорят: “Мыши не влезть в нору, потому что держит во рту древесный гриб”».

(3) Юнь прилюдно заявил, что шаньюй не приедет ко двору Хань с выражением покорности (см. выше, п. 5). Может быть, это попало в донос как критика несовершенства силы *дэ* Сюань-ди.

(4) Глядя на изображения людей на Западном павильоне и указывая на «тиранов» Цзе и Чжоу, Юнь сказал: «Когда здесь проходил Сын Неба, [он] расспрашивал про их вины одну за другой, чтобы можно было извлечь из них урок». Дай Чан-лэ комментирует: «[Среди] изображенных [там] людей есть Яо и Шунь, Юй и Тан, [но Юнь] не назвал [их, а] упомянул [только] Цзе и Чжоу».

(5) Узнав от сдавшихся сюнну, что шаньюй был убит, Юнь заметил: «Если [на престоле] недостойный государь, для которого [достойные] крупные сановники составляют хорошие планы, [а он их] не использует, то [он] погубит себя [и случится], как во времена Цинь, когда император назначал [на должности] лишь [ничтожных] мелких чиновников, казнил преданных и хороших людей и в конце концов был из-за этого уничтожен. А если бы [он] был близок с [достойными] крупными сановниками и назначал их [на должности, его династия правила бы] до сих пор. [Плохие люди] древности и современности – [того же рода], как барсуки с одного холма». Дай Чан-лэ замечает: «Юнь без оснований привел [пример] погибшего государства, чтобы, [клеветая], подвергнуть осуждению и критике свой век, [он] не соблюдал обрядов, [подобаяющих] подданному».

(6) Юнь сказал Дай Чан-лэ: «Начиная с первого месяца, небо покрыто облаками, но нет дождя. Это [явление] записано в “Чунь цю”, [оно] то, о чем говорил господин Сяхоу. Во [время] поездки [по Поднебесной император] наверняка не доедет до [округа] Хэдун¹». Дай Чан-лэ комментирует: «[Юнь] полагал, что верховный правитель сказал [о своем решении достичь Хэдуна] в шутку; [это проявление] особой строптивости и супротивности и нарушение принципов Неба» [2, гл. 66, с. 4429–4430]. Добавлю, что при Хань (как и при Цинь) полагали, что Сын Неба должен высказываться только всерьез, а не в шутку [2, гл. 93, с. 5296].

9. Министр правосудия (*тин вэй*) Юй Дин-го [7, 659–660] счел, что Юнь виновен, хоть и не признает этого, и доложил Сюань-ди, что Юнь «не отдал ему всей [своей] преданности и любви, не выполнил до конца [своего] долга подданного, из ненависти и злобы привел пример [погибшего государства], произносил клеветнические (досл.: чудовищные) и злобные речи; [это] великая строптивость и нарушение пути космической гармонии»; он просил санкции на арест и приговор. Юня бросили в смотровую башню северных ворот дворца, его жену и детей – в тюрьму. Но Сюань-ди смилостивился над своими министрами и в январе–феврале 55 г. до н.э. ограничился увольнением Юня и Дай Чан-лэ в отставку и разжалованием их в простолюдины [2, гл. 66, с. 4431, 4432; гл. 17, с. 1003 и комм. Су Юя; гл. 8, с. 276, 277; ср. 2, гл. 19Б, с. 1257–1258].

10. Судя по письму Юня (см. п. 16), он был потрясен арестом. Сначала он считал, что ему не сносить головы, и опасался истребления своего клана. Монаршая милость вернула ему надежду, но он решил, что при такой вине ему остается одно – до конца дней быть земледельцем. Он писал, что сам ведет за собой жену и детей, они совместными усилиями пахут землю, сажают шелковицы, орошают фруктовые сады и огороды и распоряжаются имуществом, чтобы уплатить налоги казне. Были у него и рабы, видимо помогавшие по хозяйству [2, гл. 66, с. 4432, 4433]. Вдобавок он занялся торговлей: «[Мне], Юню, посчастливилось – [у меня] были [сбережения], оставшиеся от жалованья. Как раз теперь [я] покупаю зерно по низкой цене и продаю по высокой, таким образом “гонясь за десятипроцентной прибылью” (ср. ниже, п. 12)» [2, гл. 66, с. 4433]. По словам Бань Гу, когда Юнь был разжалован, то «поселился в [своем] доме и стал распоряжаться имуществом, приступил к строительству зданий и наслаждался своей [жизнью] благодаря богатству» [там же, с. 4431]. Добавлю, что он вел себя как «благородный муж», который «поддерживает знакомства и радуется [этому], “забывая таким путем о печалях” (ср. Лунь юй, гл. 7, § 19)», «вступал в дружеские отношения с гостями» [2, гл. 66, с. 4431, 4432].

11. Юнь сочетал «основное» и «второстепенное» занятия, чего не одобряли ни государство, ни конфуцианцы в отличие от представителей части других направлений ханьской мысли – идеологов купечества и Сыма Цяня, чтившего богатых купцов и считавшего, что богатство создают с помощью «второстепенного», а сохраняют с помощью «основного» занятия [4, гл. 129, с. 43–45]. Бань Гу критиковал Сыма Цяня за то, что, повествуя о «стяжателях», он почитал тех, у кого есть могущество и прибыль, и считал жизнь занимающих низкое положение и бедных (включая конфуцианцев) постыдной [2, гл. 62, с. 4273; ср. 3, гл. 129, с. 28–29, 32, 44–45]. В свою очередь, Юнь сопоставлял себя с чтимыми Сыма Цянем «стяжателями». Так, он писал о своей торговле зерном: «Это занятие купчишки, позорное дело (*у жу чжи чу*), [а я], Юнь, сам его делаю» [2, гл. 66, с. 4433]. *У жу чжи чу* – чуть измененная цитата из «Ши цзи», где сказано: «Торговля жиром – позорное дело (*жу чу*), а Юн Бо [скопил с его помощью] тысячу слитков золота» [3, гл. 129, с. 44].

12. Образ Ян Юня, нарисованный в его биографии в «Хань шу», несколько напоминает образ Фань Ли (V в. до н.э.), знаменитого «стяжателя», изображенного в 41-й и 129-й гл. «Ши цзи». Тот был крупным сановником и полководцем царя Юэ Гоу-цзяня, но успел вовремя (до того, как царь изменил к нему отношение) уйти в отставку, перебрался в Ци и назвался прозвищем *Чи-и Цзы-ни*, значащим «применяющийся к [условиям] времени», сам пахал землю на берегу моря, вместе с сыновьями распоряжался имуществом и быстро составил состояние в несколько сот тысяч медных монет. Назначенный канцлером Ци, он вернул служебную печать, сказав, что достиг вершины богатства и чиновничьей карьеры, доступной простолюдину, а долго обладать хорошей репутацией (и высоким положением) не к добру. Он перебрался в Тао, центр торговли Поднебесной, дающий возможность разбогатеть, назвался господином Чжу из Тао, снова ограничил свои

потребности, начал с сыновьями пахать поля, разводить домашних животных, продавать и запасать товары, выжидая благоприятный случай и перепродавая их «в погоне за десятипроцентной прибылью» (ср. выше, п. 10); скоро его богатство достигло ста миллионов медных монет. Сыма Цянь писал: «Можно ли не назвать Гоу-цзяня достойным?.. Фань Ли переезжал [из одного из] трех [владений в другое], всюду пользуясь прекрасной репутацией, [его] репутация была передана грядущим поколениям. Когда сановник и правитель таковы, [даже] если не хочешь, чтобы [они] прославились, сумеешь ли [избежать этого]?» [5, гл. 41, с. 24–26, 31–32].

13.1. Сходство Ян Юня (каким он изображен в его письме) и Фань Ли (каким тот изображен в гл. 41 и 129 «Ши цзи») состоит в следующем: (1) оба сначала были сановниками, затем простолюдинами; (2) в хозяйственной деятельности оба сочетали земледелие и торговлю, в которых участвовали лично наряду с членами семей; (3) как купцы они богатели, «гонясь за десятипроцентной прибылью» (см. п. 10 и 12). В биографии Ян Юня (но не в тексте его письма) и в биографии Фань Ли есть еще одна общая черта: (4) оба дважды раздавали свое богатство другим, но Юнь – в бытность свою сановником, а Фань Ли – уже после возвращения им печати канцлера Ци. Юнь отдал 5 000 000 медных монет, унаследованных от отца, членом своего клана, а несколько миллионов, унаследованных от мачехи, – ее братьям, о чем Бань Гу писал: «[Он] дважды получил имущество [в наследство на общую сумму] больше 10 000 000 и все распределил [среди других]. Вот каковы были его презрение к богатству и любовь к долгу» [2, гл. 66, с. 4428]. Фань Ли оделял еще и односельчан [5, гл. 41, с. 46], и друзей. Сыма Цянь писал: «[Знание] обрядов рождается от обладания [богатством, их] несоблюдение [происходит] от отсутствия [богатства]. Поэтому когда благородный муж богат, то любит совершать благодеяния (дэ)... За 19 лет [Фань Ли] трижды составлял [состояние в] тысячу слитков золота и дважды раздавал [его] бедным друзьям и старшим и младшим братьям – дальним родственникам. Вот кого называют “богатым [благородным мужем], который любит совершать благодеяния”» [5, гл. 129, с. 7, 11].

13.2. Слова Бань Гу содержат конфуцианское противопоставление корыстолюбия этике; отмечу, что Бань Гу не привел в биографии Фань Ли оценки этого исторического деятеля Сыма Цянем (2, гл. 91, с. 5239–5240), и не случайно: она по сути даосская, как близки даосизму и умение Фань Ли вовремя уйти со службы, и его прозвище (см. п. 12). Еще в речи Цай Цзэ (произнесенной якобы ок. 255 г. до н.э.) Фань Ли получил оценку с точки зрения даосских норм: там он противопоставлен четырем государственным мужам, которые «не ушли [вовремя]», и их постигла беда; «выпрямившись, [они] не могли согнуться, уйдя, не могли вернуться. Фань Ли знал это, [поэтому] освободился от уз [царской службы], ушел от мира (*би ши*) и надолго (= навсегда) стал господином Чжу из Тао» [5, гл. 79, с. 46; 8, с. 167–172]. В даосизме слова «выпрямиться» и «согнуться» описывают две противоположные модели поведения; к каждой из них в зависимости от обстоятельств времени прибегает совершенный мудрец, но ни одной не следует неизменно (3, гл. 13, с. 116). Цай Цзэ

считал, что Фань Ли умел применяться к переменам и потому отказался от служебной карьеры, почувствовав, что она достигла пика и продолжение ее грозит ему опасностью. Он называл отставку и превращение Фань Ли в земледельца и купца «уходом от мира», т.е. отшельничеством. В Китае V–III вв. до н.э. были отшельники, которые занимались земледелием, служили привратниками, «скрывались» среди мясников на рынке; были и «неслужащие ученые» (*чу ши*), прятаясь среди игроков в азартные игры и продавцов вина. При Хань (II–I вв. до н.э.) были и прославленные ученые, жившие в горных пещерах, но стремившиеся к обогащению, и богатые «неслужащие ученые», получавшие доход от своей собственности (Лунь юй, гл. 18, § 6, 7; гл. 14, § 41; 5, гл. 77, с. 3–5, 9, 12–14; гл. 129, с. 28, 32). Значит, в неслужащих *ши*, кормившихся занятиями иной социальной группы, также могли тогда видеть отшельников. К ним относился и Ян Юнь.

14. Сравнение Ян Юня с Фань Ли выявляет не только сходство, но и различие: их статус изменился по разным причинам. Фань Ли ушел со службы по собственному почину, это был «даосский» поступок: также ушел с поста канцлера ханьский Чжан Лян, осознав, что достиг вершины доступных простолюдину богатства и положения (ср. п. 12); уйдя, он обратился к даосским практикам [5, гл. 55, с. 29]. Ян Юнь ушел не по свободному выбору, а разжалованный. Он писал, что «думал [лишь о] жалованье», жаждал власти и был неспособен уйти в отставку по собственному почину» [2, гл. 66, с. 4432]. И все же образ даосского отшельника, земледельца и купца Фань Ли явно стал для Ян Юня предметом подражания.

15. Как это могло произойти, особенно учитывая, что в своем письме Юнь цитирует в основном конфуцианские авторитеты? Сыма Цянь писал о «Ши цзи», что «завершил» в своей книге текст (досл.: одной школы мысли) (*и цзя чжи янь*, см. [5, гл. 130, с. 64; 2, 62, с. 4257, 4270]). Согласно Бань Гу, «во времена Сюань-ди внук [Сыма] Цяня [со стороны] дочери Пинтун-хоу Ян Юнь передавал его книгу, [следуя ей как сочинению] основоположника (*цзу шу*); в конце концов [она] вследствие этого распространилась» [2, гл. 62, с. 4271]. Это позволяет отнести к Юню как наследнику идей своего деда, разделявшему по крайней мере их часть. Вслед за Цзя И, Сыма Цянь полагал, что, если бы у последнего царя Цинь были способности хотя бы среднего правителя и хотя бы средние помощники, он смог бы сохранить и территорию самой Цинь, и свою династию [5, гл. 6, с. 88]. Юнь думал так же (см. п. 8, № 5). Как и Сыма Цянь, он верил в судьбу и предвещающие ее знамения (см. п. 8, № 1), но называл ее по своему – «судьбой, [предопределенной] Небом» (*тянь ши*). Видимо, он воспринял от деда и отношение к купцам в целом, и восхищение Фань Ли в частности (п. 11, 12). Пережив в заточении тяжелый психический кризис и внезапно узнав, что ему заменили казнь разжалованием, он, должно быть, вспомнил о Фань Ли, по доброй воле ставшем земледельцем и купцом, увидел в его истории воплощение идеала, к которому его подталкивала собственная судьба, и решил следовать его примеру до конца своих дней.

16. Юнь не принимал решения о своем переходе в простолюдины, но настаивал на том, что его устраивает этот статус. Через год с лишним его

друг губернатор Сунь Хуэй-цзун [7, с. 498] написал ему, увещевая изменить образ жизни, ибо крупный сановник, отрешенный от должности, должен затвориться дома и, дрожа от страха, размышлять о своей вине, чтобы показать, что достоин сострадания, а «не должен распоряжаться имуществом, вступать в дружеские отношения с гостями и принимать похвалы». Весной 54 г. до н.э. Юнь ответил ему письмом [2, гл. 66, с. 4431–4434], позже вошедшим в «Вэнь сюань» как яркий образец эпистолярного жанра [1, гл. 41, с. 910–912]. Он вежливо, но твердо возражал другу. Он высказал обиду тем, что друг не вдумался в его случай, а принял суждение о нем заурядных людей, порочащее его репутацию. По словам Юня, он понятия не имел, что его могут осуждать за решение навсегда остаться земледельцем. Он давал понять, что за три года его грусть о потере должности прошла, что в праздничные дни жертвоприношений – летнего *фу* и новогоднегo *ла* – ему доступны радости, скрашивающие нелегкую жизнь пахаря, когда он смакует вареную баранину и жареное мясо ягненка, вознаграждает себя за труды ковшом вина, поет циньские песни (а он знает в этом толк, так как родом из Цинь), а жена его, уроженка Чжао, искусно играет на гусях. У него есть несколько рабов и рабынь, умеющих петь. Почуяв, что у него горят уши от выпитого, он обращает глаза к небу и поет песню, отстукивая ее ритм на глиняном барабанчике и сопровождая ее возгласами «у-у!» (т.е. исполняя ее в традиционной циньской манере; см. [5, гл. 87, с. 9–10]). В эти дни он радуется, отряхивая одежду, взмахивает рукавами и притоптывает ногами, пускаясь в пляс. «Воистину [я] предаюсь безмерному веселью, [но] не понимаю, [почему] это недопустимо», – замечает он, имея в виду, что теперь ничто не мешает ему радоваться. Занимая низкое положение, будучи иного рода и других стремлений, чем его друг, он не может принять его советов – ведь «те, чьи пути различны, не советуются друг с другом» (Лунь юй, гл. 15, § 39; 5, гл. 61, с. 14). Но тогда «как можете [вы], сударь, обвинять меня, ссылаясь на установления, [предписывающие, как вести себя] министрам и сановникам?» – спрашивает он. И намекает, сколь недостойны, на его взгляд, нынешние намерения его друга. Тот недавно стал губернатором варварского округа Динъань, известного своей «жадной и низкой» молодежью. «Возможно ли, чтобы [местные] привычки и обычаи [так] изменяли [изначальную природу приезжего] люда? Теперь, сударь, [я] вижу, [каковы ваши] намерения», – пишет он, желает другу усердно гнаться за славой и заслугами и поменьше разговаривать с таким, как Юнь.

17. Если считать письмо Сунь Хуэй-цзуна первой попыткой убедить Юня подумать о возвращении себе поста сановника, то другую такую попытку совершил племянник Юня Аньпин-хоу Ян Тань, в 54 г. до н.э. ведавший зависимыми владениями (*дянь шу го*; см. [7, с. 636]). Он сказал Юню: «Князь (*хоу*), вина [у вас] легкая, к тому же есть заслуги, в дальнейшем [государь] опять использует [вас] на службе». Тот отвечал: «Что толку иметь заслуги? Сын Неба (*сянь гуань*) не стоит того, чтобы отдавать ему все свои силы». Вспомнив о судьбе Гэ Куань-жао и Хань Янь-шоу, друзей Юня

(см. п. 6 и 8), «чиновников, отдававших [государю] все силы» и все же казненных, Ян Тань согласился, что Сын Неба воистину таков.

18. 9 мая 54 г. до н.э. произошло затмение солнца [2, гл. 8, с. 279], и мелкий чиновник по имени Чэн, подчиненный конюха, подал трону доклад, что знамение вызвал Юнь, ибо он «надменен, расточителен и не раскаялся в [своей] вине». Министр правосудия исследовал улики против Юня, и в руки ему попало письмо Юня Сунь к Хуэй-цзуну. Когда Сюань-ди прочел его, то возненавидел Юня. Министр квалифицировал его вину как «великую строптивость и нарушение пути космической гармонии» (ср. п. 9). Юнь был казнен путем разрубания надвое в поясице, жена и дети его были переселены в округ Цзюцюань, племянник Тань (за то, что не исправлял Юня увещаниями, поддакивал ему и высказался как человек, который носит в себе обиду) был уволен с поста и разжалован в простолюдины. Чэн был назначен *ланом*, а близкие Юню люди на важных постах – начальник стражи дворца Вэйян (*Вэйян вэй вэй*) Вэй Сюань-чэн, губернатор столицы (*цзин чжао инь*) Чжан Чан, Сунь Хуэй-цзун и другие – были уволены в отставку (см. п. 6) [2, гл. 66, с. 4434–4435].

Разные ученые датировали казнь Юня по-разному, от 57 до 53 г. до н.э.; согласно биографии Лёве, она состоялась после следствия, проведенного вслед за затмением солнца, то ли в 57, то ли 54 г. до н.э., но в других биографиях своего словаря Лёве пишет, что Ян Юня судили в 54 г., а казнили в 54 или 53 г. до н.э. [7, с. 641, 498, 580]. Чу Шао-сунь сообщает, что в 4-м году периода У-фэн (февраль-март 54 – январь-февраль 53 г. до н.э.) Юнь «создал (сказал?) и произнес клеветническую (= чудовищную) речь и был разрублен надвое в поясице [за] преступление, [состоявшее в] великой строптивости, [а его] владение было упразднено» [5, гл. 20, с. 45]. Даты казни Юня в 4-й год периода У-фэн подтверждают такие же даты разжалования лиц, пострадавших из-за Юня: Ян Таня [2, гл. 18, с. 1046], Вэй Сюань-чэна [2, гл. 19Б, с. 1262; ср. 2, гл. 73, с. 4639] и Чжан Чана [2, гл. 19Б, с. 1257–1258].² Итак, Юня казнили в 54 г. до н.э.

19. Бань Гу утверждает, что Юня сгубило письмо, вызвавшее ненависть Сюань-ди. Но комментаторы по-разному объясняли, что вызвало эту ненависть. Гу Янь-у (XVII в.), Чжоу Шоу-чан (XIX в.) и Ван Сяньцян (XIX–XX вв.) указывали на слова письма: «Хотя государь – самый почитаемый, а отец – самый любимый [из людей], у тех, кто совершает обряд по покойникам, есть [определенный] срок, когда [траур] кончается. Уже три года, как [я, Ваш] слуга, обвинен [в преступлении]...» [2, гл. 66, с. 4432]. Они видели здесь что-то похожее на намек Ян Юня на предстоящую смерть Сюань-ди (см. п. 8, № 1). Но в письме нет и тени упоминания о Сюань-ди лично. Смысл цитаты – что траур длится не дольше трех лет, ибо чувство даже глубочайшего горя за такой срок проходит. Приводя это правило, Ян Юнь намекает, что сам уже не печалится о своей гораздо менее значимой потере – понижении в статусе – и не хочет возвращаться на службу. Поэтому для меня цинский комментарий не убедителен.

20. Комментаторы III в. – Чжан Янь и «подданный Цзань» (= Фу Цзань?) – полагали, что Сюань-ди возненавидел Юня за пропетые им стихи,

где говорилось: «[Я] обрабатывал землю в тех Южных горах, // [Но] разросшиеся сорняки не были выполоты. // [Я] посадил бобы на [поле в] один *цин*, // [Но они] упали [на землю], а осталась [одна] ботва. // [Пока] человек живет, [ему надо] лишь веселиться, // До каких пор [ему] ждать богатства и высокого положения?» Оба комментатора видели в первых четырех строках аллегоричность, изображающую попытку «поэта» навести порядок при дворе государя (образ которого – Нань-шань = «Южные горы»). Наведение порядка представлено, как пахота и посадка культурных растений – «бобов» (*доу*), указывающих на «правдивых и честных людей», которых «поэт» сажает на поле размером в «один *цин*»: 1 *цин* = 100 *му* (метафора, указывающая на чиновничество, *бай гуань*). Но усилия «поэта» тщетны – ему не удастся ни справиться с «разросшимися сорняками» (*у хуэй*, или *у вэй*), т.е. дикими растениями в противоположность «бобам», ни собрать урожай – «бобы» упали на землю (метафора того, что «поэт» и ему подобные были отвергнуты), а вьющаяся бобовая ботва означает торжество криводушных льстецов-сановников [1, гл. 41, с. 911; 2, гл. 66, с. 4433].

21. Какое из двух толкований верно, позволяет решить обращение к доханьской литературе. Еще в поэме «Ли сао» (III в.) есть образ «разросшихся сорняков» (*у хуэй*), противопоставленный образу «множества душистых цветов» (*чжун фан*). «Поэт» (согласно традиции, Цюй Юань) перечисляет земельные участки, засаженные им душистыми цветами в надежде на урожай, добавляя, что «скорбит по множеству душистых цветов (*чжун фан*), заросших сорняками (*у хуэй*)». Ранее он сообщает, что вокруг «трех государей» древности было «множество душистых цветов» – выражение, истолкованное традиционным комментарием как «толпа достойных людей» [4, св.1, с. 7а–б, 5а]. Значит, еще в «Ли сао» создание при дворе группы своих сторонников (разумеется, достойных с точки зрения ее основателя) изображено как разведение культурных растений, которых грозят заглушить «разросшиеся сорняки». Попробуем понять стихи Ян Юня в свете образности «Ли сао», поскольку у них есть общий образ.

22. В его стихах оппозиция «бобы – разросшиеся сорняки» замещает оппозицию «множество душистых цветов – разросшиеся сорняки» из «Ли сао». Здесь, как и там, культурные растения («бобы») – метафора «достойных» = «правдивых и честных людей», которых «поэт» тщетно старается внедрить в среду чиновников. Насаждение культурных растений иносказательно описывает создание им как лидером собственной группы (клик); метафора выражает именно его предпочтения: ведь это для него его ставленники – честные люди. На наш взгляд, прецедент «Ли сао» означает правоту комментаторов III в.

23. Это позволяет взглянуть на биографию Ян Юня сквозь призму его стихов. Если он – их автор, то они подтверждают предположение, что он пытался создать при дворе собственную группу или клику, стал ее лидером (см. п. 6) – и потерпел поражение.

24. В двух последних строках своих стихов Юнь высказал мысль, к которой пришел после неудачной попытки добиться перемен при дворе: надо веселиться и развлекаться (*син лэ*), пока жив, а не искать «богатства

и высокого положения» на государевой службе. Близкая даосизму идея о том, что отказ от службы есть достойный путь, была унаследована им от деда. Один из героев Сыма Цяня, Лу Чжун-лянь, сказал: «По мне, чем [обладать] богатством и высоким положением, но сгибаться [перед волей] других, лучше быть бедным и занимать низкое положение, но презирать [нравы, распространенные в] мире, и дать себе в нем полную волю»; Сыма Цянь высоко оценил его позицию [5, гл. 83, с. 18, 33].

Знаковый «гедонистический» призыв Ян Юня к тому, чтобы «веселиться» (*син лэ*) – пить, петь, плясать и предаваться иным удовольствиям, – не был забыт китайской поэзией и отозвался в стихах ее корифеев. Пань Юэ в усеченном виде повторяет его в рапсодии *Шэн фу*: «Если “[пока] человек живет”, [он] не “веселится”, то для чего [ему] пустое посмертное имя, [когда] умрет?» [1, гл. 18, с. 387]. Се Тяо начинает стихи *Ю дун тянь* строками: «Когда [я] в глубокой печали и страдаю [оттого], что [мне] невесело, // То беру за руку [друга], и [мы] веселимся (*син лэ*) вместе» [1, гл. 22, с. 480]. Они развлекаются во время пешей прогулки, любясь пейзажами, особенно красотами природы, наслаждаются эстетически, но не пьют «вина благоухающей весны». Ду Фу заканчивает свои стихи *Су-си* словами: «В [заднем] дворце (= гареме) веселятся (*син лэ*) втайне, // Мало кто из посторонних знает [об этом]»; он имеет в виду сексуальные наслаждения. Ли Бо в первом стихотворении цикла *Юэ ся ду чжао* изображает свои возлияния в одиночестве как питье вина тремя собутыльниками – Луной, своей Тенью (образ, взятый из «Чжуан-цзы») и им самим: «Поскольку Луна не умеет пить, // [Моя] Тень следует только моему [примеру]. // Недолгое время [я провожу] в компании Луны и [моей] Тени. // Веселиться (*син лэ*) следует весной. // Я пою, и Луна медленно плывет в небе. // Я пляшу, и [моя] Тень совершает беспорядочные движения...». *Син лэ* у Ли Бо включает питье, пение и пляску, как и у Ян Юня, но он вводит их в текст стихотворения, а Ян Юнь оставляет за его пределами, в контексте письма. Ли Бо как бы развертывает тему «веселья», заимствованную у Ян Юня, с помощью материала, почерпнутого из этого контекста. Связь между обоими стихами кажется явной.

Примечания

¹ Увещевая царя Чаньби [7, с. 595–596], летом 74 г. до н.э. [2, гл. 75, с. 4687–4688], Сяхоу Шэн сказал: «Если небо в течение долгого времени покрыто облаками, но нет дождя, [это значит, что среди] сановников и подчиненных наверняка есть кто-то, кто злоумышляет против верховного [правителя]» [там же, с. 4687]. В храме в округе Хэдун император ежегодно в первом месяце приносил жертвы Государю Земли (*Хоу ту*).

² Но, согласно биографии Чжан Чана в «Хань шу», он был разжалован в год, по Ван Сянь-цяню, соответствующий 53 г. до н.э. [2, гл. 73, с. 4763], прослужив девять лет губернатором столицы.

Литература

1. Вэнь сюань (Антология литературы) Сяо Туна с комментарием Ли Шаня. Пекин, 1959.
2. Хань шу бу чжу («История Хань» с дополнительным комментарием Ван Сяньцяня). Пекин, 1958.
3. Хуайнань-цзы. Шанхай, 1936 (сер. Сы бу бэй яо).
4. Чу цы цзи чжу («Чуские строфы» с собранием комментариев). Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, Б. м., 1953.
5. Ши цзи хуэй чжу као чжэн («Записи историка» Сыма Цяня со сводом комментариев и критическим исследованием Такигава Сигэна). Пекин, 1955.
6. *Hulsewé A.F.P.* "Fragments of Han Law", in *T'oung Pao*. Т. 76. 1990.
7. *Loewe M.* A Biographical Dictionary of the Qin, Former Han & Xin Periods (221 B.C. – A.D. 24). Leiden, 2000.
8. *Pokora T.* "The Etymology of *ku-chi* (or *hua-chi*)", in *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1972. Bd. 122.